
С. В. БЕРЕЗКИНА, В. С. КИСЕЛЕВ

НОВОЕ О ПОДГОТОВКЕ ПОСМЕРТНОГО ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ПУШКИНА ПО НЕОПУБЛИКОВАННЫМ ПИСЬМАМ ЖУКОВСКОГО

Сразу же после смерти поэта В. А. Жуковский, получив необходимые распоряжения «высочайшего цензора», начал подготовку издания собрания сочинений А. С. Пушкина, которое вышло в одиннадцати томах в 1838—1841 годах и было названо в пушкиноведении посмертным. В феврале—апреле 1837 года Жуковский выполнил огромный объем работ, действовать же надо было очень быстро, поскольку ему предстояло отправиться в путешествие по России в свите наследника великого князя Александра Николаевича. Жуковский выехал в начале мая, а вернулся в декабре 1837 года, после чего в мае следующего года вновь отправился с наследником в другое, еще более длительное, европейское путешествие. Уезжая из Петербурга и возвращаясь, Жуковский неизменно включался в работу по изданию собрания сочинений поэта. Многие в истории этого издания остаются непроясненным до сих пор и находят свое объяснение в неопубликованных письмах Жуковского.

1

Послание «Горишь ли ты, лампада наша...» (1821), связанное с воспоминаниями о встречах Пушкина с друзьями в обществе «Зеленая лампа», не появилось в посмертном издании. Оно было адресовано Я. Н. Толстому (1791—1867), который, узнав о подготовке нового издания Пушкина, обратился к Жуковскому по поводу

ненапечатанного стихотворения. О связанном с ним эпизоде и общении с Жуковским Толстой рассказал М. Н. Лонгинову в письме от 1/13 ноября 1856 года из Парижа: «Я сообщил его однажды в 1837-м году Жуковскому, который занимался тогда первым изданием стихотворений Пушкина; но мы решили, что его печатать было невозможно, потому что нужно было многое пояснить и те объяснения казались нам неудобными в тогдaшнее время. Я не знаю, от кого г-н Анненков получил копию с этого письма; я его хранил как драгоценный автограф, единственный уцелевший из значительного числа писем ко мне Пушкина» (впервые опубли.: АПСС. Т. 2. Кн. 2. С. 559).

В письме Толстого речь идет о первой публикации «Горишь ли ты, лампада наша...», осуществленной П. В. Анненковым в 1855 году в «Материалах для биографии А. С. Пушкина» с цензурной купюрой (выпущены ст. 15—20). История этой публикации, а также дополнения к ней М. Н. Лонгинова, сделанного в 1857 году на страницах «Современника», подробно освещена в новейшем академическом издании (АПСС. Т. 2. Кн. 2. С. 555, 559—560). Некоторое уточнение к этой истории дает письмо Жуковского к Толстому, написанное в канун отъезда в свите наследника в последних числах апреля 1837 года:

Любезнейший Яков Николаевич, возвращаю Вам письмо Пушкина с благодарностью. Хотел сам его занести, но едва ль успею.хлопот невозможно много. Голова кругом. Может быть, найду еще свободную минуту на всякий случай проститься или, лучше, сказать до свидания.

Преданный Вам

Жуковский.¹

Из письма следует, что Толстой не только обсуждал с Жуковским при личной встрече возможность публикации послания, но и предоставил ему автограф Пушкина для копирования. Жуковский воспользовался этим, и в готовящейся им для издания тетради появилась писарская копия письма Пушкина к Толстому с посланием «Горишь ли ты, лампада наша...» (АПСС. Т. 2. Кн. 1. С. 401).

2

В середине августа 1839 года Жуковский вновь готовился к отъезду из Петербурга в свите наследника, на этот раз в Москву на праздник, приуроченный к годовщине Бородинского сражения

¹ ОПИ ГИМ, ф. 445, № 86, л. 45; подлинник, без даты.

1812 года. 16 августа, в канун своего отъезда, он написал Н. И. Тарасенко-Отрешкову, секретарю Опеки над детьми и имуществом Пушкина:

Не можете, любезнейший Наркис Иванович, сделать мне одолжение заглянуть ко мне на минуту завтра, поранее утром между 8 и 9. Я завтра уезжаю в Москву. Надобно слово сказать о манускриптах Пушкина.

Преданный Вам

Жуковский

Среда.

Далее было написано кратко, как некий план, о предстоящих работах по пушкинскому изданию:

Напечатать отчет.

Послать сочинения.

Корректурa посмертных сочинений Никитенке.

Сверять с напечатанным в «Современнике».

Лицейские стихотворения сверять с оригинальной тетрадью.

Корректурa материалов Петра Сербиновичу.

NB. Манускрипт лицейских стихотворений будет передан Никитенке.²

Встреча с Тарасенко-Отрешковым состоялась ранним утром в день отъезда Жуковского в Москву. Она была посвящена делам по посмертному изданию сочинений Пушкина. В это время работа шла уже в типографии, готовившей к выпуску последние три тома. В них вошли не публиковавшиеся при жизни поэта произведения: «Медный всадник», «Каменный гость», «Русалка», «Тазит» (опубл. под загл. «Галуб»), стихотворения, в том числе лицейские (т. 9), «Арап Петра Великого», «Летопись села Горюхина» («Летопись села Горохина»), «Дубровский», «Египетские ночи», «Сцены из рыцарских времен» (т. 10), публицистика, критические статьи, прозаические наброски (отдел «Смесь», т. 11). Все три последних тома посмертного издания Пушкина вышли в 1841 году.

Чтобы понять распоряжения Жуковского, следует иметь в виду, что манускриптами в обиходе опекунов назывались переплетенные тома с писарскими копиями сочинений Пушкина, представлявшиеся в типографию. Подготовка издания была очень объемной и требо-

² РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 56, л. 1—2; копия рукой И. А. Бычкова, без даты; подлинник неизвестен.

вала оплаты многих работ. Слова «Напечатать отчет» в письме Жуковского предполагали какую-то таблицу, возможно, с итоговым счетом для писарей и корректоров.³

Все три последних тома издания Пушкина были подписаны к печати цензором А. В. Никитенко еще 29 апреля 1840 года. Согласно инструкции, цензор просматривал не только рукопись, но и правленную корректуру. Именно поэтому в письме к Тарасенко-Отрешкову Жуковский писал о представлении корректуры Никитенко.

Мы полагаем, что пункты после записи «Корректурa посмертных сочинений Никитенке» предполагали задание именно для него (за исключением того пункта, где упоминается Сербинович, о котором мы скажем особо). К Никитенко было обращено распоряжение Жуковского о необходимости сверки текстов с «напечатанным в “Современнике”». Она требовалась для тех произведений Пушкина, которые публиковались в 1838—1839 годах Плетневым на страницах «Современника» по рукописям, принадлежавшим друзьям и знакомым поэта. Это были неопубликованные строфы из «Евгения Онегина», послания «Цветы последние милей...» и «Кто знает край, где небо блещет...» (с исключением неподцензурного финала, начинающегося со стиха о «еврейке молодой») и т. д. Публикации «Современника» способствовали полноте издания, поскольку выявляли отсутствующие в бумагах поэта тексты. При этом Плетневу и Жуковскому пришлось выдержать бурю негодования в 1838-м и затем в 1839 году от лица сначала Тарасенко-Отрешкова, а затем графа Г. С. Строганова, настаивавшего, что «сочинения покойного Александра Сергеевича Пушкина составляют неотъемлемую собственность детей его и что посему они, как и всякая другая собственность, без разрешения правительствующего Сената не могут быть безвозмездно отчуждаемы от малолетних; что своевольное со стороны Опекы предоставление сочинений тех в пользу журналов без всякого вознаграждения подвергло бы законной ответственности опекунов».⁴ Протест Строганова, который, конечно же, не следил за русской периодикой, был вызван материалами и мнениями, подготовленными для него Тарасенко-Отрешковым. Испортившиеся отношения с Жуковским объясняют ту сухость, которая ощущается в его письме к нему.

Один из пунктов плана Жуковского касается «лицейских стихотворений» — так он называет том писарских копий, подготовлен-

³ См., например: *Летописи Государственного литературного музея*. М., 1939. Кн. 5: *Архив Опекы Пушкина*. С. 391.

⁴ Там же. С. 230—231.

ный им для посмертного издания Пушкина; этот же том именуется ниже и «манускриптом лицейских стихотворений».⁵ Сложным представляется вопрос о том, что Жуковский называл «оригинальной тетрадью», с которой надо было сверять в корректуре тексты лицейских стихотворений. Эта «оригинальная тетрадь», судя по ее названию, была для Жуковского при подготовке тома с лицейскими стихотворениями сверхценным источником текстов. Исходя из письма Жуковского и зафиксированных в нем пунктов плана для Тарасенко-Отрешкова, мы можем заключить, что в данный момент, то есть в середине августа 1840 года, источника этого еще не было в руках цензора Никитенко. Но «сверять с оригинальной тетрадью» лицейские стихотворения по уже правленной корректуре Жуковский поручил именно ему.

М. А. Цявловский полагал, что лицейские стихотворения в посмертном издании печатались по тетради, получившей впоследствии название Тетрадь А. В. Никитенко.⁶ В новом академическом издании к этому месту статьи Цявловского дана редакторская поправка: «Непосредственным источником публикаций в посмертном издании была не сама тетрадь Никитенко, а сделанные с нее копии, вошедшие в так называемую Тетрадь Жуковского» (АПСС. Т. 1. С. 462). Опираясь на письмо Жуковского к Тарасенко-Отрешкову, нужно добавить к этому заключению важное дополнение: на последнем этапе работы над корректурой была проведена сверка с «оригинальной тетрадью» лицейских стихотворений Пушкина и внесена соответствующая правка (это обстоятельство объясняет многие расхождения опубликованных текстов посмертного издания с Тетрадью Жуковского). Прodelал эту работу Никитенко, имя которого потом и получила оставшаяся у него лицейская «оригинальная тетрадь».

Еще один из пунктов плана Жуковского касается «Истории Петра», над которой Пушкин работал в 1834—1836 годах. Она сохранилась в виде подготовительных материалов, причем не в полном объеме.⁷ В письме Жуковский так и назвал пушкинский труд: «материалы Петра». После знакомства с ним в апреле 1837 года Николай I заключил, что он не может быть напечатан. Новую попытку издать его Жуковский предпринял в августе 1839 — начале

⁵ РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 8, № 93; см.: АПСС. Т. 1. С. 502.

⁶ Цявловский М. А. Источники текстов лицейских стихотворений // АПСС. Т. 1. С. 462.

⁷ Об этой работе Пушкина см. статью С. А. Лунца «История Петра. Подготовительные материалы», включающую объемный перечень литературы: Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2012. Вып. 2: Е—К. С. 273—287.

1840 года. Подготовленную им копию пушкинского текста он передал К. С. Сербиновичу, имевшему большой опыт работы с бумагами петровского времени в Государственном архиве. Познакомившись с текстом, Сербинович указал в нем места, подлежащие исключению или переработке. После этого Жуковский в феврале 1840 года вновь представил «Историю Петра» императору и получил от него благоприятный отзыв. Цензором «Истории Петра» был назначен Сербинович, о чем Жуковский доложил А. Х. Бенкендорфу: «Я имел счастье всеподданнейше испрашивать у государя императора позволения напечатать материалы для “Истории Петра Великого”, найденные в бумагах покойного Пушкина, и представить их вместе с сочинениями, собранными по смерти Пушкина на рассмотрение в обычную цензуру. Государь император соизволил всемилоостивейше согласиться на то и другое. Представляю при сем в оригинале мою докладную записку с собственноручною отметкою его императорского величества. Надзор за корректурую при печатании материалов “Истории Петра Великого” берет на себя Константин Степанович Сербинович, которому в сем случае надлежит доставить и оригинальную рукопись материалов, при сем представляемую».⁸ Основанием для датировки этого эпизода являются записи на сохранившемся докладе Жуковского на высочайшее имя, одна из которых была сделана рукой Бенкендорфа и обращена к министру народного просвещения графу С. С. Уварову: «Получ<ено> 20 фев<раля> 1839»; «Mon très honoré Comte, Sa Majesté l' Empereur permet volontier la publication de cet ouvrage, si la censure n'y trouve pas à radier. Votre tout dévoué A. Benkendorf».⁹

Что же буквально означал в письме Жуковского пункт «Корректуру материалов Петра Сербиновичу»? В середине августа 1840 года корректура этих самых «материалов», вероятнее всего, не существовала (во всяком случае, сведений о корректуре в исследовательских работах не имеется, поскольку до нее дело не дошло). Жуковский просто напомнил Тарасенко-Отрешкову о цензоре, назначенном для этого тома. Видимо, в Опеке уже наметились какие-то трения по поводу цензуры тома с «материалами Петра». Усугублялись они, несомненно, и давлением со стороны Уварова, который

⁸ РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 18, № 174; белой автограф, без даты; начало документа до слов «Надзор за корректурую...» рукою писаря; Там же, оп. 19, № 128, л. 8; копия, без даты.

⁹ Там же, л. 9—10; перевод: «Мой высокочтимый граф, его императорское величество охотно разрешает публикацию этого произведения, если цензура не сочтет его подлежащим исключению. Совершенно преданный вам А. Бенкендорф» (франц.).

был вдохновлен припиской Бенкендорфа для создания новых препонов пушкинскому изданию.

Разрешение на выход «Истории Петра» из печати дал другой цензор — вновь Никитенко, который сделал это после новых перемен в тексте (в результате чего книгоиздатели окончательно потеряли какой-либо интерес к этому сочинению). Письмо же Жуковского к Тарасенко-Отрешкову относилось к тому времени, когда цензором исторического труда Пушкина еще значился Сербинович. Это ценное дополнение для комментария к «Истории Петра» и тем попыткам, которые предпринимал Жуковский с целью ее издания.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННИК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 38

Санкт-Петербург
2024

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

Издание основано в 1962 году

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Е. Е. Дмитриева

Рецензенты:
Доктор филологических наук
М. В. Строганов
(*Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН*)
Кандидат филологических наук
Е. Н. Григорьева
(*Санкт-Петербургский государственный университет*)

ISBN 978-5-94668-397-5

© Авторы статей, 2024
© Пушкинская комиссия РАН, 2024